

С ЧЕГО начать, какие слова отыскать, чтобы рассказать о тебе, Ясная Поляна? Вот уже месяц, нет, пожалуй, уже и побольше прошло, как возвратился я изпод сени твоих деревьев, но все это время, где бы ни был, чем бы ни занимался, мысленно переносился на твою землю, снова иду по «Прешпекту», от входных башенок вверх, вверх, к дому Волконского, и вижу «маханье берез», такое же, как при жизни Льва Николаевича; молчаливо стою на краю оврага Старого заказа, где посреди девяти дубов приоткрылся низенький зеленый холмик — последнее его пристанище; останавливаюсь у «Любимой скамейки» в «Елочках» — насаждениях, сделанных супругами Толстыми за десять лет до конца

вторения, понимал, а все же шел к кучерской и, скрываясь от ветра, стоял за бревенчатой стеной, будто предчувствуя, что и впрямь снова сюда придет Лев Николаевич, и постучит в окошко кучеру Андриану Евсееву, и попросит закладывать лошадей...

В окне толстовского дома что-то блеснуло, может, звезда отразилась, а мне показались, что колыхнулось пламя свечи, и представилось: вот он, в блузе, со свечой в руке, освещающей его «полное решимости и твердости лицо», входит в комнату под сводом, где жила младшая дочь Александра Львовна, и на вопрос: «Кто тут?» отвечает: — Это я, Лев Николаевич.

Я сейчас уезжаю... совсем... Пойдемте, помогите мне уложиться.

белесой пасмурной тишине слышалось: «Несут, несут...»

Совсем недавно старый вяз снова пережил тот день. Снова были стражники у ворот, и белое полотнище за околицей села, и семь тысяч крестьян с обнаженными головами... Сергей Герасимов снимал заключительные сцены двухсерийного фильма-хроники «Лев Толстой». И словно семьдесят лет сбросила с себя Ясная Поляна, заново потрясенная этим пасмурным днем.

Однажды я увидел, как после съемки неторопливо и раздумчиво шел по дорожке парня Сергей Аполлиариевич, загримированный под Толстого. Антер и режиссер, он взял на себя нелегкую ношу — прожить на экране последние годы гения, выразителя души русского народа, матерого человека, как называл его В. И. Ленин. Уже недолго осталось ждать появления нового фильма на эк-

фашистских извергов вещи и предметы, которыми при жизни пользовался Толстой. Бесценные реликвии возвратились обратно только в мае сорок пятого, после Победы.

Сорок пять дней и ночей Ясную Поляну занимали гитлеровцы. Не просто занимали — распорядились усадьбой, постройками, распоряжались зло, нагло, варварски. В литературном музее устроили госпиталь, в доме Толстого — казарму; солдаты топили печи мемориальной мебелью, в одной из комнат оборудовали парикмахерскую, в другой — сапожную мастерскую.

Настоящее мужество — иначе не назовешь — проявляли работники музея, оставшиеся в усадьбе. Рискуя своей жизнью, они отстаивали и пытались сохранить вещи писателя, музейный архив, многочисленные посадки.

Отступая, фашистские офицеры подожгли толстовский дом. Сотрудники музея С. И. и М. И. Щеголевы, школьник Павлик Комаровский, врач Илюхин, студентка Литвинова до сумерек боролись с огнем, поднимали полы, пробивали потолки. Дом был спасен. Дом, в который отставной поручик артиллерии Л. Н. Толстой возвратился с Крымской войны с боевым орденом и севастопольскими рассказами, дом, в который приезжали корифеи русской культуры и науки — М. Горький, И. Мечников, И. Репин, И. Тургенев, С. Танеев, В. Стасов, А. Фет, Н. Ге, дом, в котором побывали после войны миллионы людей со всех концов света...

Не без гордости говорил мне Николай Павлович Пузин, бывший сотрудник музея, заслуженный работник культуры РСФСР, что в Ясной Поляне все остается таким, каким было при жизни Льва Николаевича. Все — это почти 400 гектаров усадьбы с парками, садами, прудами, дорожками и тропинками, с 29 мемориальными строениями. Слушал его приглушенный голос, восхищаясь его судьбой. В конце войны приехал Николай Павлович в Ясную Поляну. И до сегодняшнего дня, несмотря на то, что уже на пенсии, немало сделал своими руками с помощью топора, рубанка, обыкновенной лопаты... Немало написал статей, книг, не мыслит своей жизни без этой «жемчужины России». Не один десяток лет трудятся в музее Валентина Александровна Лебедева, заслуженный работник культуры РСФСР, Татьяна Николаевна Архангельская и многие другие, чья энергия и усердие высоко оценены государством, — в 1978 году музей усадьбы был награжден орденом Ленина.

В ДРУСКИНИНКАЕ, возле санатория «Дайнава», растет дубок Льва Толстого. Как он попал сюда, на литовскую землю? Публицист и драматург Альбертас Лауринчикас поведал мне такую историю.

Осенью 1942 года в районе Ясной Поляны стояли перед отправки на фронт бойцы Литовской дивизии. Из Москвы к ним приехали известные литовские писатели — Саломея Нерис, Антанас Венцлова, Юозас Балтулис, Юонас Марцинкявичюс. Читал свои стихи воинам-землякам и совсем молодой Эдуардас Межелайтис. Тогда и возникло в сердце поэта решение посадить на родной земле желуду толстовского дуба. Но для этого нужно было разгромить врага, освободить отчий край.

Литовские воины активно готовились и предстоящим боям. Но у них хватило времени и на то, чтобы расчистить тропинки яснополянского парка, посадить на вырубленной гитлеровцами аллее новые деревья. Молодой поэт Витторас Валайтис отремонтировал башенки у въезда в усадьбу. Никто не знал тогда, что Валайтиса вскоре снесит вражеская пуля.

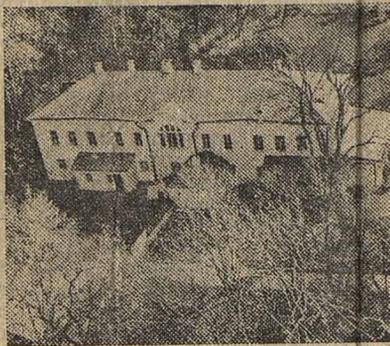
А желуду яснополянского дуба Межелайтис привез в Друскининкае уже после войны. Медленно, но упорно, как и подает царю деревья, поднимается он вверх. И с каждым годом все шире и шире открываются перед ним просторы литовской земли.

Перед отъездом из Ясной Поляны захотелось мне еще раз взглянуть на Калиновый луг, на Старый заказ. Я догнал группу воинов — курсанты школы прапорщиков во главе с командиром взвода лейтенантом С. Румянцевым приехали сюда на экскурсию. Мы остановились у могилы писателя. Один из курсантов поднял с земли несколько желудей, положил в карман. Значит, где-то еще на нашей земле вырастет дубок Толстого...

Капитан 2 ранга
В. ЛУКАШЕВИЧ,
корр. «Красной звезды».
Ясная Поляна — Москва.

В летописи Отечества

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

прошлого столетия; брожу по березовой роще — а вокруг все тот же осенний день, и моросит дождь, и вот, кажется, послышатся шаги, и выйдут навстречу двое: один молодой и высокий, в широкополой шляпе, другой сутулый, в расстегнутом драповом пальто, с каплями дождя в бороде — А. М. Горький и Л. Н. Толстой. Вчитываюсь в горьковские строки воспоминаний о 72-летнем хозяине Ясной Поляны, о той прогулке: «...Молодо прыгает через канавы, лужи, отражает капли дождя с веток на голову себе... и ласковой рукою любовно гладит сыроватые атласные стволы берез... Вдруг под ноги нам подкатился заяц. Л. Н. подскочил, заершился весь, лицо вспыхнуло румянцем и эдаким старым зверобоем, как гикнет. А потом — взглянул на меня с невыразимой улыбкой и засмеялся умным, человечим смешком. Удивительно хорош был в эту минуту».

Когда они возвратились из рощи, Софья Андреевна сделала снимок. «По совести скажу, — писал ей потом Горький, — видел себя на карточке — рядом со Львом русской литературы — мне невыразимо радостно...»

Н ЕТ, не с этого, наверное, надо начинать, не с этого... Надо вспомнить недавнюю ноябрьскую ночь, когда лохматые тучи бесполезно пытались стереть с тяжелого неба редкие звезды, когда ветер свистел в голых ветках парка «Клины», когда падали последние, прихваченные морозцем яблоки яснополянского сада...

Мы остановились тогда в деревне, в опрятном домике Таисии Георгиевны Соколовой, энергичной бабки Там, и весь вечер слушали ее рассказ о Ясной Поляне, которая «поначалу и вовсе не Ясной называлась, а Ясеновой, так как вокруг было много ясеней, а потом, для красоты уж, превратилась в Ясную». Комсомолка Соколова впервые побывала в доме-музее Л. Н. Толстого в 1924 году, на третий год после его открытия — точнее официального утверждения постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г., — и что-то всколыхнулось в сердце, до того всколыхнулось, что впоследствии переехали они с мужем из Тулы в деревню, поселились в этом домике возле Большого яснополянского пруда. И живет вот до сих пор, живет одна — муж умер, сын — кто в Туле, кто под Москвой, а она — в ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ.

За свою долгую жизнь кем она только не работала. Девочкой пошла на завод и «переехала там много работ» — от подручной токарки до библиотечарки. Была вместе с заводом в эвакуации в годы войны, и ничего с собой не брала, только сундучок с книгами о Толстом. По сей день собирает она литературу о великом земляке — «богатство мое главное» — и с радостью и охотой показывает всем, кто интересуется жизнью писателя.

Разговор наш длился за полночь, а когда все уснуло и только настенные ходики тянули в тишине вечную ничтожку времени, я осторожно вышел во двор и направился в усадьбу. Признаюсь, мне давно хотелось побывать в Ясной Поляне именно в такую ночь, в ночь, когда Лев Николаевич за полторы недели до кончины навсегда покинул свое «насиженное гнездо». И понимал, что в канун зимы 1910 года она была другой, что в природе не бывает по-

Потом садится за письменный стол и пишет, как всегда держа перо «горсточкой», письмо Софье Андреевне. (За этим старинным столом из персидского ореха были созданы «Война и мир», «Анна Каренина», «Хаджи-Мурат»...). Потом он делает запись в дневнике: «Пишу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное... Бужу Душана, потом Сашу, они помогают мне укладываться... В шестом часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать...» Потом присаживается, перед дорогой, на кожаный диван. (На этом диване он родился сам, родились его сестра и братья, родились все его тринадцать детей...) Потом, оглядываясь, в последний раз бросает взгляд на дом, в котором прожил в общей сложности более полувека, и уходит в сырую холодную ночь... Уходит в народ, который, по его слову, и есть истинные дрожжи жизни.

О, сколько раз уезжал он отсюда! В Москву и в Петербург, в Оренбург и в Ялту, в Тулу и в недалекие имения родных и близких, отсюда отправлялся он на Бородинское поле, чтобы измерить его своими шагами и постичь своим сердцем. Уезжал в санях и в бричке, верхом на Делире и на велосипеде, уходил пешком, прихватив с собою неизменную палку-стул. Нередко останавливался на выезде, беседовал с крестьянами, их детьми. «Точно стакан воды выпил с этими ребятами», — признавался потом...

В ту ночь никого не было на его пути.

И только «дерево бедных» — старый раскидистый вяз потянулся ветками вслед за отъезжающим, горько звякнул колоколом, прибывшим к его стволу.

Если бы это дерево умело говорить, рассказало бы оно, как собирался под ним простой люд — мужики, бабы, богомольцы, мастера, а то и просто прохожие, — со своими бедами, просьбами шли они к любимому «графу» (графу). Присаживались на деревянную скамью и ждали, когда выйдет Толстой, выслушает каждого, выкинет в нужду, даст совет, а то и поможет деньгами. Немало печальных судеб русских людей узнал писатель под этим деревом. Поистине «великое народное море, взволновавшее до самых глубин» (В. И. Ленин), билось у стен яснополянского дома, неся сюда людское горе, заботы, печали.

И видел старый вяз, как с непокрытой головой пришла Россия к Толстому, когда гроб с его телом из Астапова, где на безвестном полустанке, на чужой койке умер великий писатель, привезли на Козлову Засеку, а оттуда — пять километров — на руках несли гроб по мерзлой комковатой дороге, устланной можжевельником. Сотня стражников переминалась у ворот. За околицей села ноябрьский ветер был белое полотнище с надписью: «Дорогой Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны». А в

ранах. Одними из первых, как обещал Сергей Аполлиариевич, его увидят земляки Толстого. А пока яснополянцы и многочисленные посетители усадьбы могут видеть в Литературном музее новый экспонат — сценарий С. Герасимова, по которому он снимал свою хронику...

ВЕСНОЙ этого года, когда я приехал в Пушкинские Горы, один из местных работников обронил: «Писать о Михайловском? Зачем это «Красной звезде» (т. е. читателям «Красной звезды»)? Как тут было не вспомнить слова М. Горького: «Пушкин и он (Толстой). — В. Л.) — нет ничего величественнее и дороже нам...» Два гения русской земли. Два символа, два солнца нашего великого культурного наследия.

Большою поливили сердца советских людей, когда находилась под фашистским сапогом Ясная Поляна. Листаю воспоминания ныне покойного генерал-полковника И. В. Болдина. В них он рассказывает о встрече с начальником Генерального штаба Красной Армии Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. Сообщая Болдину о решении Ставки назначить его командующим 50-й армией, защищавшей Тулу, Борис Михайлович говорил:

— Знаете, Иван Васильевич, я солдат, вся моя жизнь прошла в службе, если можно так сказать, под ружьем. Я далек от слезливой сентиментальности. Какой ценой человечество оплачивает любую войну, мне прекрасно известно. Однако до сих пор трудно смириться с мыслью, что гитлеровцы в Ясной Поляне.

«Когда части пятидесятой армии приближались к Ясной Поляне, — пишет И. Болдин, — каждый наш солдат и офицер испытывал огромное чувство радости. Велик был их наступательный дух. Громя врага, часть Трубинского заняла Ясную Поляну... В тот же день по телефону я сообщил маршалу В. М. Шапошникову об освобождении усадьбы Толстого. В ответ послышалось радостное: «Передайте благодарность всем, кто спас дорогую Ясную Поляну. Спасибо!»

А вот запись в книге отзывов солдат, офицеров, побывавших в музее писателя в дни Великой Отечественной: «Я, Яковлев Иван Матвеевич, посетив этот дом... горю желанием ценою своей жизни сохранить это великое место памяти Л. Н. Толстого. И так, за Толстого!» (14 октября 1941 г.); «Еще с большей энергией будем бороться за эту счастливую жизнь, о которой мечтал сам Толстой». (Группа бойцов. 7 сентября 1941 г.)

В начале октября толстовский дом собрался в эвакуацию. Со стен были сняты картины, опустели книжные шкафы, из кабинета убраны книги, журналы — все ценнейшее экспонаты упаковывались в ящики; два вагона отправлялись яснополянцы в дальний путь, сначала в Москву, затем в Томск. Наша Родина вместе с оборонными заводами, вместе с сиротами и женщинами посчитала необходимым увести подальше от